

ДОН КИХОТ С ПЕРОМ И МАСТЕРКОМ

К 100-летию Александра Елкова

Это был человек яркого, большого таланта и удивительной скромности. Имел богатейшую биографию, где только не бывал, чего только не умел и при этом умудрился остаться вечно рядовым. Даже поэзии служил, как говорили тогда, «без отрыва от производства», держа перо в минуты, отводимые на отдых, заглубившими от простой работы мозолистыми руками.

Маяковский свое знаменитое «Я сам» начинает так: «Я поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном только если это отстоялось словом». Александр Елков, родившийся в год 1926-й, когда Маяковский создавал эти строки, мог бы с полным правом подписаться под ними, ибо никаких других свидетельств своей жизни не оставил, кроме отстоявшихся стихом впечатлений и прозрений недюжинного сердца и ума.

Очень скудные сведения есть об А. Елкове в справочниках Союза писателей, скудны материалы о нем и в интернете. Родился в селе Плоцкое Новосибирской области, в 1943 году окончил 9 классов школы в Душанбе, после чего оказался в Ленинграде, где был помощником художника-декоратора, рабочим сцены в театре. Оттуда в 17 лет ушел на войну, имеет награды за боевые заслуги. После демобилизации жил в Казахстане, работал учителем начальной школы, агрономом-селекционером, каменщиком на стройках Алма-Аты, аппаратчиком на молочном комбинате, рабочим типографии... Написал и выпустил в издательствах Казахстана ряд книг: «Солнечные будни» (1959), «Рождение дома» (1960), «На восходе» (1962), «По тропам памяти» (1966), «Поиск» (1970), «Мужество» (1972), «Капли марта» (1974), «Круги» (1977), «За третьим перевалом» (1982).

Да, книги выходили у него довольно регулярно. Одно время даже была у Александра Елкова небольшая, но известность. Издательства поручали ему отзывать на поступающие к ним рукописи начинающих поэтов, писательская организация и Литфонд привлекали к наставничеству над литературной молодежью.

Потом наступили лихие 90-е. Развалился Советский Союз, все стали элементарно выживать. Ходу стихам не стало ни в периодической печати, ни в издательствах, ни даже в житейском обращении. Старые раны, полученные на фронте, все сильнее давали себя знать. Доработав до пенсии, Александр Константинович забыл дорогу в Союз писателей, куда и раньше был не особенный ходок, никого ни о чем не просил, а просто канул в безвестность...

Но вот передо мной книга этого поэта, датированная 1986 годом. Называется она «Дорогие мои люди», выпущена к его 60-летию, правда, учитывая, что рожден он 1 апреля, с выходом сборник припоздал. Да чего уж там, думали наверняка издатели, невелика птица, чай не Сулейменов и даже не Снегин, пусть радуется, что вообще не забыли...

Сборник выпущен на плохой бумаге – типографской № 3, самой бросовой, в переплет пошел тоже дешевый, сомнительный материал – бумвинил, на нем совершенно не отпечаталось тиснение, задуманное художником, оформлявшим издание. Правда, тираж, по меркам наших времен, солидный – 12 тысяч экземпляров. Логично: ведь это итоговая книга поэта, избранное из всех предыдущих сборников, квинтэссенция всего, что он создал за свою трудную, но честно прожитую жизнь. И тут к месту, мне кажется, повторить слова Афанасия Фета, сказанные о таком же по размерам сборнике своего великого современника – Фе-

дора Тютчева, изданном без участия безалаберного автора еще одним титаном русской литературы – Иваном Тургеневым:

*...Муза, правду соблюдая,
Глядит – и на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.*

Особенно справедливо это утверждение сегодня, в эпоху разгула самиздата, когда графоманы всех мастей увенчивают себя веренищами прекрасно исполненных в полиграфическом отношении, но никчемных в творческом смысле печатных «трудов», а писатели средней руки выбивают всяческими способами себе госзаказ на так называемую «социально важную литературу», в результате чего библиотеки страны пополняются их многотомными сочинениями, которым там и лежать мертвым грузом, может быть, до второго пришествия Мессии.

Но вернемся к книге поэта-фронтовика, человека не желчного, никогда не завидовавшего другим. Судя по ее содержанию, он и лирик, и эпик, тонкий наблюдатель и активный участник жизни, певец красоты и вдохновенного труда, чести, благородства и достоинства, вдумчивый аналитик происходящего и глубокий философ.

Его излюбленные поэтические жанры – элегия, баллада, иногда даже – ода. И во всем, что им создано, явственно ощущается жизнеутверждающая линия, вера в торжество разумного, доброго, вечного.

По сочинениям Александра Елкова легко проследить его биографию. Стихи, посвященные участию в войне, отличаются нетрафаретностью описания фронтовой жизни, вниманием к таким фактам, деталям, которое отражает глубоко индивидуальный вдумчивый взгляд автора в суть происходящего вокруг.

*В семнадцать лет и я шинель потертую
на поле в скатку плотную скрутил.
В семнадцать лет в строю на грудь четвертого
меня равняться старшина учил.
В обмотках старых было не до форсу мне,
но я, по струнке замерев, стою.
Казалось мне, что я на грудь Матросова
держу равненье в сомкнутом строю.*

С таким высоким равнением на героизм прошел поэт жестокие бои с японцами, потом на освобождаемой от врага разоренной западной территории страны, сражался за Польшу, Будапешт, Прагу, терял боевых товарищей, сам был на краю гибели...

*...И не поверилось солдатам
среди каждодневных тяжких дел,
что так внезапно в Сорок пятом
последний выстрел прогремел.
Ему ответил многократно
над чешским лесом майский гром.
И это было в Сорок пятом,
а не в каком-нибудь другом.
Прикрытый бережно бушлатом
у перекрестка автострад,
окинув нас прощальным взглядом,*

*закрыв глаза свои сержант.
Мальчишка в форме мешковатой,
не хрупкий винтик – ч е л о в е к!
И на губах, от боли сжатых,
«простите» запеклось навек.
Как будто был он виноватым
за долю малую труда в большой войне...
И в Сорок пятом лежать остался навсегда.*

Таким же глубоким содержанием наполнены все стихотворения Александра Елкова о войне, послевоенной ратной службе в восточных гарнизонах страны и о труде на мирных стройках в самых разных краях необозримой державы, за честь и славу которой он пролил солдатский пот и кровь в своей молодости.

О чем бы ни писал поэт, он находил в каждой теме, в каждом объекте творческого вдохновения неповторимые особенности, моменты, которые мог увидеть и образно запечатлеть взгляд художника, мыслителя, создателя материальных и духовных ценностей. Много строк посвятили разные поэты Домскому собору, Моцарту, Шопену, русской музе, домбре Джамбула, красоте женщины, России, благородству, борьбе добра со злом, космическим мотивам, но эти же самые темы нашли у Александра Елкова новое неожиданное колоритное решение, добавив свежие краски в палитру высокой поэзии.

Внимательному читателю хороших книг (ах, как его сегодня стало трудно найти!), и в частности творений Александра Елкова, открылось бы богатство души автора, его ответственное отношение к искусству Слова, ожидание честного искреннего разговора с современником и с людьми будущих поколений, кому адресованы лучшие вещи, вошедшие в этот итоговый сборник поэта.

Но, увы, талант, который виден даже невооруженным глазом, по достоинству не оценен, более того – не замечен. Читаешь и думаешь: где же были те, кто ревностно отслеживал так называемый литературный процесс, должен был поднимать самобытных, настоящих рыцарей поэзии и окорачивать одновременно бездарей, графоманов? Одна поэтесса-многостаночница, заделавшаяся к концу жизни еще и критикессой, уже в новом времени с подчеркнутым высокомерием написала, что, встретив А. Елкова на базаре, торгующим чем-то, в ответ на свой вопрос, почему его не видно и не слышно, якобы получила его горькое признание: мы все ввали, нет смысла это продолжать.

Не верю такому надуманному «свидетельству». Стихи Елкова говорят, что был он всегда искренним, не отказался от своих идеалов, своей веры. Не то что многие его коллеги-маятники, которые закачались в такт наступившему шкурному времени.

А замолчал он для читателя, потому что все каналы обнародования сочиненного разом были перекрыты, и книги стихов если и появляются, то, как ныне водится, за «счет средств автора». И теперь настоящие поэты и виршеплеты свалены новым временем в одну кучу.

Как бы предвидя нынешний порядок вещей, поэт еще в восьмидесятые годы прошлого века писал:

*Я не солгу ни сердцу, ни уму:
Порой негусто денег у таланта
и со здоровьем заодно неладно...
У бездари же мускулы атланта
и хватка пробивная...
Почему?*

Этот горестный вопрос для многих остается открытым. И не все находят силы противостоять напору пошлости, продолжать бескорыстно заниматься литературой, которая, по мысли Чехова, есть «свободное служение неограниченной правде». Многие ломаются, впадая в безвестность, оставаясь без читателя, смешиваясь с толпой. Не таков Александр Елков, всю жизнь проходивший в рядовых:

*Со мной грехи мои, привычки.
Мне как до лампочки – до лычки.
Нет крепче званья моего.
С ним не стеснительно на марше,
видней на линии огня.
Не волен бог, не в силах маршал
уже разжаловать меня.
(«Накануне юбилея»)*

Он – один из тех, кого можно теперь, по прошествии времени, назвать по-этом-романтиком. Поруганы многие символы веры, прежние идеалы стали опять недостижимой мечтой. Но тем не менее с упорством, смешным в глазах обывателя, он восславляет вещи, никчемные в наступившей жизни:

*Да будет, как прежде, известно
Любому везде и всегда,
что в первую очередь честность –
само благородство, в безвестность
не канет оно никогда.
Есть друг у меня благородный.
По жизни идет напрямик.
И подлому скажет он: – Подлый.
Двуличному скажет: – Двулик.
И ныне ему, благородству,
вздымая исколотый щит
отваги и чести, бороться
на грешной земле предстоит.
Улыбку в ненастье затеплит,
обидчика-хама прервет,
любой клеветы не потерпит,
любовь под защиту возьмет.
На выручку бросится мигом
к ребенку в горящей избе,
не зная по-прежнему выгод,
наград не желая себе...
В его гардеробе сохранены,
как память живая, досель
защитанный плащ д'Артаньяна
и Гвардии красной шинель.
(«Благородство»)*

Таким он и дорог нам – рядовой войны и поэзии Александр Елков, свидетель, участник и герой Эпохи, о которой столь образно, правдиво и оптимистично рассказал своим современникам и, будем надеяться, жителям ближних и дальних пространств и времен.

Он, как Экзюпери, улетевший навсегда в небо, стремился понять себя и вселенную, перебросить мостки во тьме.

Георгий ОЛЕНИН